

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Braudel F., Labrousse E. (dir.) L'Histoire économique et sociale de la France. – Paris: PUF, 1976–1982. – 6 tomes.
2. Braudel F. Histoire et sciences sociales: la longue durée // Annales ESC. – 1958. – № XIII. – P. 725–753.
3. Aymard M. Introduction // Borghetti M.N. L'oeuvre d'Ernest Labrousse. Genèse d'un modèle d'histoire économique. – Paris: Ed. de l'EHESS, 2005. – 299 p.
4. Goubert P. Un parcours d'historien. Souvenirs 1915–1995. – Paris: Fayard, 1996. – 315 p.
5. Labrousse E. Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle. – Paris: Dalloz, 1933. – 2 vol. Reed. – Paris: Ed. des archives contemporaines, 1984.
6. Noirielle G. Qu'est-ce que l'histoire contemporaine? – Paris: Hachette, 1998. – 272 p.
7. Hauser H. (dir.) Recherches et Documents sur l'histoire des prix en France de 1500 à 1800. – Paris: Picard, 1936.
8. Gillard L. et Rosier M. (ed.) François Simiand (1873–1935). Sociologie, histoire, économie. – Paris: Editions des archives contemporaines, 1996. – 242 p.
9. Simiand F. Le Salaire, l'évolution sociale et la monnaie. Essai de théorie expérimentale du salaire. – Paris: Alcan, 1932. – 3 Vol.
10. Labrousse E. Entretien avec Ernest Labrousse // Actes de la recherche en sciences sociales. – 1980. – № 32/33. – P. 111–127.
11. Grenier J.-Y., Lepetit B. L'expérience historique. A propos de C.-E. Labrousse // Annales ESC. – 1989. – № 6. – P. 1337–1360.
12. Labrousse E. La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution. – Paris: PUF, 1944. – 3 vol.
13. Chaunu P. Conjoncture, structures, systèmes de civilisation // Conjoncture économique, structures sociales. Hommage à Ernest Labrousse. – Paris: Mouton, 1974. – 547 p.
14. Labrousse E. (dir.) Histoire sociale : sources et méthodes. – Paris: PUF, 1967. – 298 p.
15. Stone L. Retour au récit, ou réflexions sur une nouvelle vieille histoire // Le Debat. – 1980. – № 4. – P. 116–142.
16. Ginzbourg C. Signes, traces, pistes: racines d'un paradigme de l'indice // Le Debat. – 1980. – № 6. – P. 3–44.

Поступила 30.04.2008 г.

УДК 930.1(44)

СТАНОВЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ КВАНТИТАТИВНОЙ ИСТОРИИ: МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ, ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РАМКИ

Н.В. Трубникова

Томский политехнический университет
E-mail: troub@mail.ru

Автор анализирует процесс становления и характерные черты развития французской квантитативной истории – одного из ведущих направлений исследований историографии XX в., сочетавшего в себе наследие марксизма, модели экономической теории, методы демографии и специфические техники работы с историческими источниками.

Ключевые слова:

Историография, методология истории и гуманитарных наук, квантитативная история.

Французская квантитативная история представлена целой плеядой учеников школы Эрнеста Лабрусса, начавших свои блестящие карьеры написанием «региональных» диссертаций. В их числе представители «Анналов» Пьер Губер, Пьер Вилар, Эммануэль Ле Руа Ладюри, Морис Агюлон, Жорж Дюби, Пьер Шоню, Мишель Вовель, Ален Корбен и другие.

Важнейшей концептуальной схемой, используемой Лабруссом и его учениками, был марксизм. В 1950-х гг. многие историки отождествили свою судьбу с Французской коммунистической партией, политическая мощь которой очень способствовала распространению марксизма. Как анекдот, во французской историографии пересказывается история экзамена по агрегации 1952 г., в котором принимали участие в основном молодые члены партии – Клод Меслиан, Пьер Дейон, Жан Дотри, Жан Никола, Франсуа Фюре, Робер Бонно, Жак

Шамба, Дени Рише, Эммануэль Ле Руа Ладюри. Во время подсчетов результатов, Фюре и Шезно с юмором комментировали, что надо было все-таки оставить несколько мест для буржуазии.

До 1960-х гг. марксизм проникал в историческую дисциплину через экономическую историю, часто (но отнюдь не всегда) соединяя в диссертациях ссылки на политэкономия К. Маркса и «Анналы». Характерным примером являются работы Жана Бувье о «Лионском кредите» или Пьера Вилара о Каталонии в эпоху нового времени, датированые началом 1960-х гг. Постепенно границы такой «двоенной» истории расширялись, передвигаясь от изучения «базисных» исторических оснований – экономической инфраструктуры, к «надстроечным» – ментальной суперструктуре. Начиная с 1970 г., интеллектуальный еженедельник КПФ «Ле Нувель Критик» регулярно публиковал беседы с историками, которые одновременно выступали

как новаторы своей профессии, ассоциируемые с «Анналами», и марксисты – Жаном Бувье, Робером Мандру, Пьером Левеком, Ги Буа, Жоржем Дюби.

Утверждение марксизма в пространстве исторических исследований проходило под большим влиянием философа Луи Альгюссера, который в 1961–1962 учебном году вел семинар о молодом К. Марксе в Высшей Нормальной школе Парижа. В следующем году он развил тему, размышляя о генезисе структуралистской мысли и обнаруживая несомненную преемственность между Монтеスキ, Марксом, Леви-Строссом и Фуко. В 1964 г. он ориентировал свой семинар на коллективное прочтение «Капитала» К. Маркса, по итогам которого были изданы коллективная публикация «Читая «Капитал» [1] и сборник статей самого философа [2].

Эти семинары стали прибежищем свободы, где криковался традиционный университетский истеблишмент и деятельность Компартии Франции. В данный период структурализм по всем фронтам – от литературоведения до социологии – превратился в средство обличения во имя научной строгости «власти предрержащих», «темных сил», которые угнетают массы «доминируемых». Луи Альгюссер к этой структуралистской программе добавил свое прочтение классика исторического материализма, постулируя, что К. Маркс пережил в 1845 г. серьезный эпистемологический разрыв, разделивший творчество «молодого» мыслителя, еще приверженного гегельянскому идеализму, и «зрелого», «научного» автора судьбоносной теории, превратившей марксизм в подлинную «науку научности наук». Таким образом, Луи Альгюссер усматривал в марксизме начало всех структуралистских концепций, от Фрейда до Соссюра, стремясь обобщить, наконец, все формы современной рациональности в едином философском синтезе.

Среди молодых слушателей-историков у Луи Альгюссера нашлись оппоненты. Даже самые последовательные приверженцы марксизма в третьем поколении «Анналов» усвоили практику творческого, а не догматического понимания детерминистических схем. В русле марксизма работали Мишель Вовель и Робер Мандру, специалисты по истории ментальностей, или Пьер Вилар, которые стремились через конкретно-историческое исследование адаптировать к своим задачам концептуальную систему марксизма.

В специальном разделе «Марксистская история, история в процессе создания» знаменитого сборника «Заниматься историей» [3] Пьер Вилар напомнил читателям, что сам К. Маркс не был историком, и что его глобальные умозаключения исторического порядка помещались в перспективу мышления экономиста. Следовательно, эта схема не может служить готовой моделью для решения задач историка, она требует дополнительного осмысления и адаптации. С точки зрения автора, интеллектуальное наследие К. Маркса хорошо коррелирует с

традицией «Анналов», сделавших своей особенной чертой квантификацию данных, помещение фактов в широкий пространственный контекст, проект тотальной истории. Необходимо лишь проверять теоретические понятия практикой, избегая крайностей идеализма или эмпиризма.

В испанской теологии XVI в. П. Вилар находит зарождение макроэкономической теории, показывая этим примером, что лишь в исторической перспективе возможно объединение социальных наук. Через историзацию различных данных человеческой жизни, через последовательное наблюдение конкретных изменений, марксизм делает такой синтез возможным [4. Р. 382–425]. П. Вилар не разделял преувеличенного сциентизма интерпретаций Луи Альгюссера: «Я не верю, что марксизм был в моем образовании историка политико-моральным условием *a priori* и, еще меньше, слепым законом. Мой выбор был скорее выводом из моего исследования, а не являлся его отправной точкой. Полвека наблюдений мира мне внушили, что идеологические, по существу, иногда доходящие до одержимости предубеждения гораздо в большей степени общаются интеллектуальными антимарксистскими конструкциями, чем марксистскими» [4. Р. 9].

Ги Буа в своей диссертации исследовал кризис феодализма на примере аграрной экономики и демографии средневековой Нормандии [5], рассматривая его как глобальный кризис общества. Историк использовал здесь методологию «обратного перевода», предусматривающую три уровня анализа. Сначала «макроэкономически» изучаются крупные экономические и демографические параметры, чтобы выделить основные результаты, не фиксируясь на механизмах. Второй уровень «микрoанализа» исследует социальные связи и производственные отношения между отдельными секторами экономики. На третьем этапе происходит возврат к хронологии демографической и экономической эволюции в рассматриваемый период, и вносятся необходимые уточнения. Автор предостерегал лишь против механического упрощения задачи и «методологически неприемлемого» скользящего описательного уровня на объясняющий [5. Р. 387].

В разделе «Марксизм и Новая История» энциклопедии «Новая История» Ги Буа утверждал, что последняя как раз и развивает центральные тезисы исторического материализма: Маркса можно рассматривать как первого в истории практика количественных методов, добравшегося до самых глубин экономической структуры человеческого общества. Квантитативная история Лабрусса была многим обязана Марксу, а такие понятия, как «способ производства» или «идеология» стали ключевыми понятиями профессии [6. Р. 375].

Симптоматически отмечен марксизмом и путь Жоржа Дюби, продвигавшегося от изучения экономики, через социальное к воображаемому. Все три параметра для него неразрывно связаны: «Общество формирует целостность. Я не считаю воз-

можным отделять политическое от экономического или от культурного. Это такое соединение, которое обязывает собирать все виды информации» [7]. Дюби находил понятие феодализма плодотворным и адекватно обобщающим социально-экономические структуры Средневековья, утверждая, что рост производительных сил был детерминирующим фактором в становлении феодальных экономических классов [8].

Принадлежностью к определенному типу производства он объяснял также фазы роста и стагнации в экономике. Например, он связывал крушение монархии Каролингов с невозможностью обеспечить развитие производительных сил, конъюнктурой недостатка денежной массы, обменов, которые принуждали к социальной организации в обществах более ограниченных, замкнутых на себе самих.

Однако Дюби сомневался в функциональности упрощенной схемы, подразделяющей общество на «базис» и «надстройку», отметили К. Делакура, Ф. Досс и П. Гарсия [9. Р. 191]. На его взгляд, самые примечательные объекты исторической практики располагаются на уровне взаимодействий, где нет отношений простой причинности, а есть бесконечные корреляции ментального и материального в каждый конкретный исторический период. Отношения производства являются фундаментальной нормой, но и сфера этических отношений способна повлиять на экономику. Если в средневековом обществе утверждается модель расточительного потребления для аристократии, это неизбежно стимулирует производство роскоши и усиливает социальную роль торговцев. Равным образом, узы родства являются основой феодального общества — Дюби замечал, что большинство социальных метафор Средневековья безостановочно отсылают к семье [10. Р. 180]. Налоговое бремя объяснялось автором в контексте концепции взаимных даров Марселя Мосса, созданной для характеристики общества, еще не имеющего денег.

Таким образом, чтобы «восстановить» определенный сектор прошлого, необходимо использовать самую разнородную информацию. Дюби стремится извлекать из марксизма эвристическую ценность, вне всякого политического обязательства.

Столь же творчески к интуициям К. Маркса подходил и Мишель Вовель. В книге «Идеологии и ментальности» [11] он ввел различие этих двух понятий. Марксистской конструкции термина «идеология», как концептуализированного отражения практики, Вовель противопоставил свое видение ментальности как более сложного, спонтанного и неопределенного эмпирического феномена. Он изображал два измерения, как дополняющие друг друга, и искал пути их соединения. История ментальностей в видении Вовеля не позиционировалась как подход к изучению идеологии, но, напротив, стремилась к возможному расширению поля исследования.

Даже после краха всех политических иллюзий большинство «новых историков», так или иначе, были отмечены наследием марксизма, позволяющим, при всем многообразии и дробности сюжетов, сохранять общие ориентиры тотальной истории. Филипп Кэрррд, исследуя поэтику (коды, процедуры и правила в построении текста) литературного производства «Новых историков», отмечает, что авторы зачастую поддерживают сложные отношения с Марксом. Они заимствуют его понятия («классы», «производительные силы», «идеология» и т. д.), но помещают в кавычки. Такой скрытый способ цитирования противоречиво обозначает как определенным образом структурированное пространство смысла, так и дистанцию автора, принятую в отношении данной схемы [12. Р. 177–178].

Характеризуя используемый «квантитативными» историками метод, следует отметить, что свою работу с учениками Лабрусс начинал в полном соответствии с рекомендациями поколения историков-методистов: от тезиса к синтезу, от монографии к коллективному труду. Большую роль в утверждении этой программы, по свидетельству многих, сыграл уже упоминаемый Пьер Вилар. По сравнению с методистами, просматривались и явные новации. «В определенной мере, благодаря квантитативному подходу, современная история освобождается от господства герменевтических умозаключений, выработанных изначально для древних периодов, которые оставили малочисленные и трудные для дешифровки следы. ...Триумф квантитативной истории установил окончательно идею, что историк не обязан изучать все архивы, которые касаются данного периода или темы. Он должен их выбирать в зависимости от вопросов, которые он ставит», — писал Ж. Нуарель [13. Р. 70] в монографии «Что такое современная история?».

Идеей первого коллективного сочинения, руководимого Лабруссом, стала гипотеза, что экономические кризисы во Франции вплоть до 1870 г. имели смешанную природу, поскольку агрикультура продолжала играть в экономике важную роль [14]. Эти кризисы сочетали прежние характеристики (повышение цен на сельскохозяйственные продукты вызывало дефицит продовольствия), и современные (кризис сбыта, главным образом, в текстильном секторе). Исследования первых учеников уточняли этот диагноз.

Другие докторанты Лабрусса образовали более многочисленное направление, участвующее в подьеме региональной истории. Расцвет ее был вполне закономерным. В провинции множились должности, занимаемые молодыми историками, которых французская образовательная система побуждала начинать свои докторские диссертации параллельно их работе в средней школе. По практическим соображениям, в том числе, из-за близости источников, они часто склонялись в пользу исследований о том регионе, к которому были привязаны работой. К тому же свой заказ формировали и

региональные движения, утверждающие собственную самобытность через осознание локальной истории и культуры.

Кроме того, хотя сам Лабрусс уделял наибольшее значение истории цен, его модель вдохновила большое количество исследований экономических конъюнктур, в первую очередь, по истории банков. Б. Жилю удалось доказать более ранее, чем полагал мэтр, появление кризисов современного типа [15]. Работы о процессах индустриализации [16–18] отметили новые черты, не характерные для кризисов «аграрного» образца. В кризисах нового типа отмечалось даже падение цен на сельскохозяйственную продукцию, а к переходу от фазы А к фазе Б побуждали новые факторы. В частности, в 1882 г. экономический кризис был спровоцирован биржевой паникой, которая привела к банковским потерям и закончилась параличом индустрии.

Необходимо упомянуть также о рождении исторической демографии, которая оказала колоссальное влияние на развитие французской квантитативной истории и в немалой степени способствовала утверждению «матрицы Лабрусса». Расцветом этой новой области исследований историки были обязаны внедрению «метода Флери-Анри».

Его изобрел демограф Луи Анри, профессор Политехнической школы Парижа, который имел свои специальные задачи и изначально был далек от проблематики исторической науки. Пытаясь понять эволюцию деторождения в XX в., он нуждался в построении ретроспективного ракурса своей проблемы и задался вопросом, как восполнить нехватку источников тех периодов истории, когда переписей населения еще не проводилось. С помощью архивиста М. Флери Анри открывает источник, который ему позволил восстановить характеристики прежних состояний населения – церковные приходские книги [19]. Новый источник и техника его статистической обработки стали незаменимым подспорьем для целого поколения историков. Избранный в 1960 г. профессором университета в Канне, Пьер Шноно размышлял о предмете своей работы со студентами: «Я буду им преподавать метод Флери-Анри... Действительным изменением количественной истории будет, в конечном итоге, историческая демография, поскольку ее можно стало считать, и первое, что нужно сделать – это все же посчитать людей. Это историческое ядро» [20. Р. 227].

Образцовый ученик Лабрусса Пьер Губер начал свою работу о Бовези с публикации в «Анналах» статьи о демографических проблемах этого региона [21]. В его диссертации «Бове и бовезийцы с 1600 по 1730 гг.» [22] приходские книги стали основным источником. «Метод Анри» позволил анализировать жизнь народных масс, которые классическая историография, замороженная великолепием Версальского двора, полностью игнорировала. Использование приходских книг подчас приводила к удивительным открытиям, таким, как практика

позднего брака во Франции Старого Порядка. Вопреки свидетельству литературных источников, относительно поздний – 25–27 лет для девушки – возраст вступления в брак был решающим средством контроля рождаемости, повышая планку репродуктивного периода [23. Р. 328].

Монографии докторантов должны были, используя самые современные техники, пришедшие с других горизонтов квантитативной истории, иллюстрировать модель Лабрусса. Но эта модель, как и всякая другая, имела свои пределы.

Большинство учеников вспоминает об Эрнесте Лабруссе с большим пиететом. Пьер Губер написал о своем учителе с восхищением: «Он появился как что-то ослепительное, в одном из наиболее унылых залов унылой Сорбонны... Я убежал из Бове на один рабочий день, чтобы поехать его послушать: экономика, статистика, цены и доходы, циклы, интерциклы, движения большой длительности (Бродель еще ничего не изобрел), все основано на живых людях: рантье, тружениках, людях ручного труда, виноградарах ... Еще более содержательные, если такое возможно, фраза и речь: особый вид красноречия, мастерского, запоминающегося и, однако, достаточно теплого» [24. Р. 133–134].

Мишель Вовель также исполнил свой долг ученика по отношению к Лабруссе: «Люди моего поколения были разделены, больше, чем это проявлялось, на две команды: лабруссиянцев и бродельянцев. Я был учеником Э. Лабрусса, потому что те, кому было по 20 лет в 50-е годы (я 33 года рождения и прошел агрегацию в 1956), и кто желал встать на путь марксистской истории, или, более широко, истории социальной, были привлечены этим подходом квантитативной истории Лабрусса, и одновременно, точной социальной историей, поддающейся научной презентации» [25. Р. 16].

Модель идеально подошла местечку Луар-э-Шер, изучавшемуся Жоржем Дюпё [25], который намеревался, благодаря статистическим методам и соединению трех уровней, экономического, социального и политического, предложить тотальную историю этого департамента. Целью исследования было установление момента, когда кризисы «низкого потребления» сельскохозяйственного типа сменяются кризисами перепроизводства индустриального образца. Дюпё показал, что изучаемый им регион затрагивался кризисами смешанного типа вплоть до 1866 г., в ходе которых инфляционный рост цен в сельском хозяйстве сочетался с периодами индустриальной депрессии.

Некоторые диссертанты не были до такой степени довольны содержанием своей работы. Ален Корбен, написавший работу о жителях Лимузена в XIX в., вспоминал: «Эрнест Лабрусс распределял, в действительности, регионы, как это мог бы делать министр внутренних дел. В этом распределении я, значит, получил во владение Лимузен. Речь шла, разумеется, о приложении «лабруссовой» схемы, об изучении социальных структур, потом движения цен,

рент, прибылей, жалования, чтобы из этого вывести политическую деятельность и ментальное поведение населения. К сожалению, лимузенцы XIX века почти не поддавались счету. Статистическая ментальность не характеризовала регион» [27. P. 41].

Именно в недрах этого поколения историков-лабруссьянцев, включая упомянутого Корбена, впечатленных квантитативной строгостью, нашлись, в частности, после коллоквиумов в Сен-Клу, желающие произвести поворот к истории более культурной, более антропологической. Неудовлетворенные узкими рамками региональных социологий и имеющимися технологиями классификации, они модифицировали метод Лабрусса, провозгласив «сериальную» историю.

Не надо только забывать, что вопреки иллюзии полного доминирования, увлечение квантитативными методами в истории не снимало традиционных оппозиций в университетской среде и не привело к радикальной трансформации исследова-

тельских и педагогических практик в ремесле историка. Если Лабрусс и связанное с ним движение «Анналов» тяготели к «левому» полюсу французских интеллектуалов, то их противники часто принадлежали к консервативному, католическому крылу, защищая герменевтическую, событийную концепцию истории. Против «Анналов» восстали, в частности, историки нового времени. Так, желая создать противовес влиянию «Анналов», Шарль-Эдмон Пута еще в 1950-х гг. возобновил издание «Журнала новой и новейшей истории», и в обращении к читателям впервые упрекнул анналистов в том, они создают карикатуры на прочие исторические течения [28].

Начинания квантитативной истории получили свое развитие в будущем. Взаимодействие перспективы «долгого времени» Броделя и модели Лабрусса дало место сериальной истории, которая, по утверждению одного из ее авторов Пьера Шюню, «обобщает все квантитативные истории», превосходя их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Althusser L. (dir.) Lire le Capital. – Paris: Maspero, 1965. – 2 vol.
2. Althusser L. Pour Marx. – Paris: Maspero, 1965. – 258 p.
3. Vilar P. Histoire marxiste, histoire en construction // Le Goff J., Nora P. (dir.) Faire de l'histoire. – Paris: Gallimard, 1974. – 3 t. – T. 1. – P. 169–209.
4. Vilar P. Une histoire en construction: approche marxiste et problematiques conjoncturelles. – Paris: Seuil, 1982. – 428 p.
5. Bois G. Crise du feodalisme : economie rurale et demographie en Normandie du debut du XIVe siecle au milieu du XVIe siecle. – Paris: FNSP-EHESS, 1976. – 486 p.
6. Bois G. Marxisme et Histoire nouvelle // Le Goff J., Chartier R., Revel J. (dir.) La nouvelle histoire. – Paris: Retz, 1978. – 386 p.
7. Duby G. L'exercice de la liberte // Magazine litteraire. – 1982. – № 189. – P. 9.
8. Duby G. Guerriers et paysans. – Paris: Gallimard, 1973. – 308 p.
9. Delacroix C., Dosse F, Garcia P. Les courants historiques en France. – Paris: Armand Colin, 1998. – 322 p.
10. Duby G. Dialogues, entretiens avec Guy Lardreau. – Paris: Flammarion, 1980. – 252 p.
11. Vovelle M. Ideologies et mentalites. – Paris: Maspero, 1982. Reed. Folio-Histoire, 1992.
12. Carrard P. Poetique de la Nouvelle histoire: le discours historique francais de Braudel a Chartier. – Paris: Editions Payot Lausanne, 1998. – 256 p.
13. Noirielle G. Qu'est-ce que l'histoire contemporaine? – Paris: Hachette, 1998. – 272 p.
14. Labrousse E. (dir.) Aspects de la crise et de la depression de l'economie francaise au milieu du XIXe siecle, 1841–51. – Paris: Revolution 1848, 1956. – 356 p.
15. Gill B. La Banque et le Credit en France de 1815 a 1914. – Paris: PUF, 1959. – 380 p.
16. Leon P. La Naissance de la grande industrie en Dauphine (fin du XVIIe siecle–1869). – Paris: Puf, 1954. – 965 p.
17. Nere J. La Crise economique de 1882 et le mouvement boulangiste. Th. Etat. sous la direction de E. Labrousse. – Paris: Faculte des Lettres-Sorbonne, 1958. – 2 Vol. – 639, 293 p.
18. Bouvier J. Naissance d'une banque: le Credit Lyonnais de 1863 a 1882. – Paris: Sevpem, 1961. – 2 vol.
19. Fleury M., Henry L. Des registres paroissiaux a l'histoire de la population. Manuel de depouillement et d'exploitation de l'etat civil ancien. – Paris: Berger-Levrault, 1956. – 167 p.
20. Chaunu P. L'instant eclate. Entretien avec Francois Dosse. – Paris: Aubier, 1994. – 331 p.
21. Goubert P. En Beauvaisis. Problemes demographiques du XVIIe siecle // Annales ESC. – 1952. – № VII. – P. 453–468.
22. Goubert P. Beauvais et les Beauvaisis de 1600 a 1730. Contribution a l'histoire sociale de la France du XVIIe siecle. – Paris: Ed. de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences sociales, 1960. – 2 vol.
23. Poussou J.-P. La demographie historique // Bedarida F. (dir.) L'histoire et le metier d'historien en France (1945–1995). – Paris: MSH, 1995. – 438 p.
24. Goubert P. Un parcours d'historien. Souvenirs (1915–1995). – Paris: Fayard, 1996. – 315 p.
25. Vovelle M. Plutot labrousien que braudelien // EspacesTemps. – 1986. – № 34–35. – P. 16–19.
26. Dupeux G. Aspects de l'histoire sociale et politique du Loir-et-Cher. – Paris: Mouton, 1962. – 631 p.
27. Corbin A. Desir, subjectivite, l'impossible synthese // EspacesTemps. «Le temps reflechi». – 1995. – № 59/60/61. – P. 40–46.
28. Pouthas C.-E. Presentation // Revue d'histoire moderne et contemporaine. – 1954. – № 1. – P. 1–2.

Поступила 30.04.2008 г.